Мухортов Д.С.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

dennismoukhortov@mail.ru

Особенности прагматической адаптации эмоционально-экспрессивной лексики политика (на примере перевода высказываний В.В. Путина)

Проблема смыслового и структурного тождества между текстами оригинала и перевода является одной из ключевых в теории переводоведения. Поиск удачного межъязыкового соответствия конкретному лексическому компоненту текста-оригинала, как известно, не ограничивается мгновенной подстановкой словарного эквивалента. На это требуется немало времени, поскольку главным критерием выбора является не словарь, а контекст во всей совокупности своих лингвистических и экстралингвистических факторов.

Как справедливо отмечает Ю. Найда, самым значимым в процессе перевода является достижение так называемой «динамической эквивалентности», такого «качества перевода, при котором смысловое содержание оригинала передается на языке-рецепторе таким образом, что реакция (*response*) рецептора перевода в целом схожа с реакцией исходных рецепторов» [5,202]. При этом под «реакцией» подразумевается общее восприятие сообщения, включающее понимание его смыслового содержания, эмоциональных установок и др. Понятие «динамическая эквивалентность» противопоставляется понятию «формальное соответствие», т.е. такого качества перевода, при котором признаки формы исходного текста механически воспроизводятся в языке-рецепторе, внося искажения в смысл сообщения и приводя к его неправильному восприятию. Таким образом, с

одной стороны, эквивалентность понимается как точное межъязыковое соответствие, с другой, – это правильно найденное соответствие[1], т.к. точный эквивалент не всегда способен выполнить ту же функцию в переводе, что была заложена в оригинале.

Сходная трактовка уровней эквивалентности предложена А.Д. Швейцером, который полагает, что высшую позицию в иерархии занимает прагматический уровень. Он охватывает самые существенные для понимания текста коммуникативные факторы. Выделяются также семантический и синтаксический уровни эквивалентности. При таком понимании единицы каждого вышестоящего уровня эквивалентности включают в себя единицы нижестоящего. Прагматический (или коммуникативный) уровень является определяющей частью переводческого соответствия, он наслаивается на другие уровни и управляет ими. Однако, как отмечает А.Д. Швейцер, полная эквивалентность является, скорее, «идеализированным конструктом» и в реальности достижима только в случае простых текстов с узким диапазоном функциональных характеристик и в относительно несложных коммуникативных условиях [2].

Учитывая вышесказанное, следует признать, что в ряде случаев даже максимально возможное эквивалентное воспроизведение содержания оригинала не обеспечивает передачу в переводе прагматического потенциала, в частности, из-за принадлежности рецепторов к разным языковым коллективам и культурам. В этом случае переводчику приходится прибегать к прагматической адаптации перевода и вносить в текст необходимые изменения. Так, А. Нойберт выделяет четыре типа таких адаптаций [3;4].

---

[1] Эта точка зрения перекликается с комментарием Д.И. Ермоловича к классической работе Я.И. Рецкера «Теория перевода и переводческая практика»: «…«правильно найденное соответствие», именно такое понимание эквивалента стало преобладающим в теории перевода <…> При этом оно распространяется не только на «микроединицы перевода» (слова и словосочетания»), но и на более значительные отрезки текста вплоть до предложения, а в некоторых случаях – вплоть до сверхфразового единства» [Рецкер 2004: 13].

Первый тип прагматической адаптации заключается в том, что переводчик восполняет отсутствующие у рецептора фоновые знания, вводя в текст дополнительную информацию. В качестве примера можно привести то, как на иностранном языке поясняются географические названия. Так, в связи с активным обсуждением чеченских вопросов в СМИ в начале 2000-х гг., при переводе на английский язык сообщений, связанных с г. Грозным, необходимо было пояснять, что он является столицей Чеченской республики, поскольку далеко не все рецепторы могли понять, о чем идет речь. Вот как газета The New York Times передала призыв Путина «к восстановлению Грозного»[2]: President Vladimir V. Putin made a quick trip to Chechnya, and said its bombed and battered capital, **Grozny,** looked “horrible” (*The New York Times, 12.05.2004*).

Однако А. Нойберт предостерегает, что «прагматическая адаптация текста перевода с целью сделать его предельно понятным не должна приводить к «сверхпереводу», когда чуть ли не весь текст заменяется разъяснениями».

Если первый тип адаптации имеет целью обеспечить адекватное понимание передаваемой информации, то **второй тип прагматической адаптации** направлен на то, чтобы донести до рецептора перевода эмоциональное воздействие исходного текста. Согласно А. Нойберту, «необходимость такой адаптации возникает потому, что в каждом языке существуют названия каких-то объектов и ситуаций, с которыми у представителей данного языкового коллектива связаны особые ассоциации. Если подобные ассоциации не передаются или искажаются при переводе, то прагматические потенциалы текстов перевода и оригинала не совпадают даже при эквивалентном воспроизведении содержания».

---

[2] Полный текст звучит так: «Кстати, хочу обратить ваше внимание на необходимость вернуться в прикладном плане, – прошу это иметь в виду, – к восстановлению Грозного. Должен вам сказать, что, несмотря на то, что кое-что там делается, с вертолета это выглядит ужасно», по материалам новостного агентства «ЦентрАзия» от 11.05.2004.

Например, в декабре 2010 года В.В. Путин вступился за создателя сайта *WikiLeaks* Джулиана Ассанжа, которого арестовали в Лондоне. На пресс-конференции в Кремле В.В. Путин сказал: «***У нас в деревне так говорят: чья бы корова мычала, а ваша бы молчала».***

Что касается выражения «у нас деревне говорят», то оно будет переводиться без упоминания «деревни», поскольку является лишь общеразговорным выражением из разряда тех, смысл которых сводится к безличному «говорят» или его английскому аналогу “they say”: «как у нас в народе говорят», «как люди говорят», «как говорится», «как гласит народная мудрость», «как говорится в пословице» и т.п. А для перевода зооморфной метафоры про корову может подойти известная английская пословица “the pot calls the kettle black”, в которой есть и образность в описании ситуации, и точность в передаче смысла. Перевод всего предложения зазвучит так: “The pot calls the cattle black, they say”.

Конечно же, предложенный вариант не идеален, поскольку в его составе есть слово “black”, которое, учитывая российско-американский контекст, может вызвать неправильные ассоциации с действующим президентом США. Поэтому в данном случае лучше всего передать эмотивность за счет соответствующей интонации и сказать: “‘Look, who’s talking!’, they say”, или, цитируя А. Грибоедова, воскликнуть: “And who are the judges, pray!”.

В отличие от предыдущих, **третий тип прагматической адаптации** ориентирован не на усредненного, а на конкретного рецептора и конкретную ситуацию общения. Поэтому данная адаптация допускает значительные отклонения от исходного сообщения – к примеру, в ситуации, когда переводчик считает нужным передать не сказанное, а подразумеваемое.

Так, на заседании президиума Совета при президенте по развитию местного самоуправления, на основе доклада Генпрокурора РФ о ситуации с посредниками при выдаче документов, премьер-министр В.В. Путин

пообещал устроить «разбор полетов» федеральным органам власти, а всех посредников – «выгнать поганой метлой»[3].

При переводе образного выражения «выгнать поганой метлой» приходится жертвовать эмоциональностью и искать замену экспрессивности, например, во фразовом глаголе “chuck off”, используя который мы смогли бы передать эмоции, заложенные в исходном высказывании и в том намерении, с которым говорящий ее произносит. Импликация фразы такова: «решительно покончить с кем-то, убрав его из своего пространства раз и навсегда». Фразовый глагол “chuck off” передает ее максимально точно. Однако в данном случае мы вынуждены считаться с синтаксическими характеристиками исходного выражения – эллипсис в оригинале дает нам право пожертвовать метафоричностью и в переводе сказать: “to get out of here”. Именно этой цепочкой коротких слов будет передана и эллиптичность фразы, и начальственный тон, с которым она была произнесена.

Перевод всего предложения будем звучать так: “And to get all agents out of here!”.

Четвертый тип прагматической адаптации А. Нойберт характеризует как решение «экстрапереводческой сверхзадачи». Всякий перевод – это текст, воссоздаваемый переводчиком для определенной цели. Иногда эта цель выходит за рамки простого обеспечения адекватности перевода и непосредственно не связана с точным воспроизведением оригинала, что позволяет переводчику изменять и даже искажать оригинал. В таком случае действия переводчика не являются переводом в обычном смысле этого слова. К примерам таких ситуаций можно отнести:

а) упрощенный или приблизительный перевод, когда конкретный рецептор ставит перед переводчиком задачу выборочно или обобщенно передать интересующие его элементы содержания оригинала;

---

[3] Правительство разработает исчерпывающий перечень платных услуг – Путин. // Режим доступа: http://m.ria.ru/politics/20091027/190850158.html, дата обращения: 11.05.2014.

б) перевод, обусловленный иными экстрапереводческими причинами – политическими, экономическими, личными и т.д. Например, переводчик может стремиться избежать конфликта или навязать свое отношение к описываемым событиям.

Наиболее яркой иллюстрацией для последней ситуации является пример, который относится к переводу высказываний Н.С. Хрущева, известного обильным просторечием в своем речевом обиходе. На одной из встреч Н.С. Хрущев стал обвинять албанского лидера Э. Ходжу: «И этот человек обос…л нас ног до головы, туды его мать!» Переводчик Р.К. Миньяр-Белоручев передал эти слова так: «…покрыл нас грязью с ног до головы». Спустя некоторое время референт ЦК КПСС передал ему следующий комментарий Н.С. Хрущева: «Никита Сергеевич просил поблагодарить вас. Он не хотел, чтобы его грубые выражения прозвучали на всех языках» [1,71].

В качестве примера, в котором незначительно искажен оригинал, можно привести, следующий пример. На пресс-конференции, где рассматривался вопрос о полемике между Россией и странами-инвесторами, В.В. Путин в традиционной своей манере сказал: «***Просто дурку включили. Они там в одной консистенции по уши торчат***» (по материалам новостного ресурса Kavkazcenter, 22.12.2012). При этом в газете “The Telegraph” она появилась с небольшим довеском: “**Mr Putin** said that despite Americans being “**up to their ears in a certain substance**” made up of their own problems, they still insisted on highlighting Russia’s ills” (The Telegraph, December 20, 2012). Редакторы решили незаметно приписать к словам Путина то, чего не было в речи, а именно ссылку на США. На примере этого отрывка видно, как новостной ресурс, заинтересованный в создании определенного впечатления о внешней политике России, выбирает наиболее эмоциональные отрывки и вписывает их в измененный контекст.

Как подчеркивает А. Нойберт, четвертый вид прагматической адаптации не является собственно переводом. Основным фокусом перевода в строгом смысле этого слова остается достижение максимально возможной степени прагматического соответствия, зачастую в ущерб формальному. На лексическом уровне это проявляется в применении лексико-семантических трансформаций.

В заключение следует отметить, что прагматическая адаптация любой лексики, включая эмоционально-экспрессивную, требует от переводчика не только понимания контекста или, например, знания тонкостей паремиологического ряда в родном языке, но и осознание того, насколько адекватно будет передано переводимое выражение и как точно будет соответствовать реакция получателя перевода тому коммуникативному намерению, которое вложил в свою фразу говорящий. Нужно ли при этом говорить о том, что ответственность удваивается, когда этим говорящим является первое лицо государства?

Список литературы

1. Палажченко П.Р., Чужакин А.П. Мир перевода, или Вечный поиск взаимопонимания. – М.: Р. Валент, 1999.
2. Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. – М.: Либроком, 2009.
3. Neubert, A. Pragmatische Aspekte der Ubersetzung. Leipzig, 1968.
4. Neubert, A. Text and Translation. — Leipzig, 1985.
5. Nida E., Taber Ch.R. The Theory and Practice of Translation. - Leiden: Brill, 1969.